

Нижнесалдинский краеведческий музей им. А.Н.Анциферова

«Не дворец и не храм, но до боли родной...»

Из истории Салдинских детдомов

Автор-составитель О.С. Журавлев

**Нижняя Салда
2024**

Эта небольшая книжка посвящается сотрудникам Салдинских детских домов, созданных в трудные и голодные годы Великой Отечественной войны, и их воспитанникам, которые получили возможность выжить, вырасти, выучиться и стать достойными гражданами нашей страны...

Самый большой дом

Историческая справка: Детский дом в городе Нижняя Салда был организован в 1942 году после выхода Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 23.01.1942 г. №75 «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей». Данным Постановлением предписывалось исполнительным комитетам областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся под личную ответственность председателей обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей.

Июнь 1942 года... Почти год Ленинград в блокадном кольце фашистов. Самый трудный год для ленинградцев, самый тяжелый год войны. Именно в это время в Нижней Салде открывается городской Детский дом, чтобы принять малышей из блокадного Ленинграда.

Начальник детских эшелонов Татьяна Гармаш, директор одной из ленинградских школ, привезла первую группу детей и тут же уехала за следующими.

Обосновались ленинградцы в здании школы по ул.Володарского. А когда через несколько лет ребят повезли обратно в Ленинград, по воспоминаниям воспитанников и педагогов, плакали абсолютно все. Потом десятилетиями переписывались, ездили друг к другу в гости. Маленький уральский городок стал для ленинградцев второй родиной.

Заводской Детский дом был организован в Нижней Салде в начале войны. Туда брали дошкольников, чьи отцы воевали или погибли на фронте, а матери целыми днями работали. Располагался он в районе «Кержаки».

После войны заводской детдом закрыли, детей заводчан, оставшихся круглыми сиротами, перевели в городской. Помещение бывшей школы стало маловато, и в начале 50-х годов детскому дому дали помещение по ул. Энгельса, 62.

Количество воспитанников доходило почти до 100 человек. Появились мастерские, стали разрабатывать огород, держали лошадь. Ребята делали мебель, девочки шили, вязали. Жили дружно, отмечали дни рождения, пекли пироги. Но иногда сбегали, поскольку ребятам очень хотелось найти родителей.

В 1982 году руководителем детдома стала Варвара Никифорова, строгая и справедливая, занимавшая этот пост 18 лет. Дети в салдинский детдом в то время поступали со всей области и только дошкольного возраста – две группы по 30 человек.

После Никифоровой директором стала Любовь Ловкова, а сам детдом стал специализированным, появились педагоги, логопеды, оборудовали кабинет дефектолога, спортплощадку. Здание перешло с печного отопления на центральное.

С конца 80-х годов к малышам добавились ребята школьного возраста. Салдинских детей, подлежащих оформлению в детдом, стали оставлять здесь.

Галина Красилова, Валентина Дмитриева, Зоя Гасина и многие другие педагоги проработали в детдоме несколько десятков лет. Сотни ребятшек выпущены ими в самостоятельную жизнь. Они действительно заменили им мам, научили преодолевать трудности, любить, сопереживать.

Почти полвека детдомовцы прожили в здании на ул.Энгельса. И вот в начале 1997 года 32 воспитанника переехали в помещение детсада «Теремок» на ул.Новая. Здание на улице Новой было далеко не новым и даже аварийным. Прожив там почти 6 лет, коллектив перебрался в бывший детсад «Березка». Здесь обосновались всерьез и надолго. Дети теперь не сбегают, родителей не ищут, все они местные. С 1998 года хозяйка Детского дома – Людмила Владимировна Климова.

Спустя 70 лет со дня создания детдома его воспитанники все также со сцены поют, читают стихи для собравшихся на юбилей гостей. А гости вносят подарок за подарком – как и положено в столь солидный юбилей. Зал едва вместил всех зрителей – приглашены воспитанники прошлых лет, педагоги, няни и повара – друзья, которых объединило торжество. В прошлое вернуться нельзя, но можно попробовать.

– Сегодня жизнь ребят здесь отличается от той, что была у нас раньше,
– поделилась воспитанница первого выпуска Детского дома

Валентина Леонтьевна Медведева. – Но главное во все времена – поддерживать друг друга, не терять связь с Детским домом. Нас, ребят из первого выпуска осталось всего шестеро, но мы постоянно перезваниваемся, общаемся, пишем письма, делимся, как в детстве, радостью и печалью. Желаем и вам, – обратилась она к нынешним воспитанникам, – не терять той связующей ниточки.

Условия и правда заметно улучшились, дети живут в комнатах по 2-3 человека. Условия максимально приближены к домашней обстановке. Помещения групп, как квартиры – с прихожими, спальнями.

Всем стараются показать и путь к успеху. Футбольной командой Детского дома гордится вся Салда. Мальчишки неоднократно становились призерами чемпионатов Горнозаводского округа, были и победителями областных соревнований. Гимнастам и танцорам равных, практически, нет. Ни одного городского конкурса не проходит без участия ребят из Детского дома. Поездки, турниры, фестивали – они на все руки мастера. За активную работу ребята получают в награду активный отдых – и на Президентской елке наши были, и в подмосковном Звездном городке. Сейчас несколько человек готовятся поехать на море.

Видно, что Люба Минина, студентка Алапаевского профессионального лица, очень волнуется. Всего год назад она пела вместе с девчонками на выпускном, а сегодня уже от лица бывших воспитанников говорит слова благодарности воспитателям.

– Но, как бы мы ни старались для ребят, главная цель, чтоб их в Детском доме было меньше, – призналась Людмила Владимировна. – С 2005 года усыновлено и взято под опеку 23 человека, 7 из них – международные усыновления. Со всеми семьями тесная связь, звонят, общаются с нами через Интернет. Надеемся, что все доброе и светлое, вложенное Детским домом в сердца наших воспитанников, ими не забудется.

**С.Салахова, «Самый большой дом», «Городской вестник»,
№ 24, 14 июля 2012 г.**

Салдинский детский дом

Мало, кто знает, что в Нижней Салде, ближе к концу войны профсоюзная организация Салдинского металлургического завода открыла детский дом для детей своих работников. В заводской детский дом собирали голодных, холодных ребятишек, чьи отцы, работники завода, погибли на фронте, а матери сутками пропадали на заводе. О факте существования такого Детского дома автор узнала на одном из уроков Мужества, а потом из архивов газеты «Салдинский рабочий» за 2000 год. К сожалению, материалов об истории заводского детского дома и о детях, которые там жили, автор не нашла ни в архивах завода, ни в архивах города и краеведческого музея. Автор попыталась найти какие-нибудь документы о детском доме в Государственном архиве Свердловской области, Кемеровском Государственном архиве, но и там таких данных нет.

Об истории заводского детского дома и о детях, которые там жили, рассказали при встрече бывшие его воспитанницы — Валентина Леонтьевна Медведева и Галина Александровна Сенцова.

Представить воочию это трудное время автору помог рассказ одной из героинь проекта Медведевой (Стафеевой) Валентины Леонтьевны, чье детство, как и многих салдинских детей, выпало на военную пору. Валентина Леонтьевна Медведева хорошо запомнила, как отца отправляли на фронт. Военкомат находился в деревянном здании (сейчас на этом месте — Памятник героям афганской и чеченских войн). Ушел на фронт и отец маленькой Вали Стафеев Леонтий Матвеевич. До сих пор в семейном архиве хранится пожелтевший от времени листок. В правом углу треугольничка круглая печать и дата — 2 января 1943 года, полевая почта 2105 и ниже — 365 часть. Вот строчки из его письма: «...Скорей разбить фашизм. С Победой домой. Что нового у вас? Очень соскучился. Я живу хорошо, но ожидаем еще лучше. Пока. Жду ответ». Больше писем не было, была похоронка.

Жили Стафеевы тогда по улице Энгельса, в Нижней Салде, главной улице города, в старом домишке, окна которого опирались чуть ли не о землю. Мама работала на заводе с утра и до поздней ночи, а то и до утра. В семье Вали детей было трое: брату — 6 лет, самой — 5, а сестре и того меньше.

«Что и говорить, — вспоминает Валентина Леонтьевна, — тяжело было. Ели все, что можно жевать: травку, корни, орешки липы, даже,

помню, жевали попеременно не то ремень какой-то, не то кожу. А зимой сидели в холодной избенке. На улицу выходить было не в чем, брат ходил в соседние переулочки и дома – просил хлебушка...»

С работы мама Вали приходила почерневшая от усталости и голода, и буквально падала на дощатую кровать. Работала она на заводе на разгрузке, а потом в прокатке. О том, как трудно было работать на разгрузке вагонов женщине, маленькая Валя поняла уже будучи взрослой, наблюдая, как тяжело приходилось даже мужчинам.

После похоронки мама Валентины стала словно чьей-то тенью. Часто плакала и говорила, указывая на большой портрет отца: «Ребятишки, убили вашего папку! Как жить-то будем?». Ребятишки в это время затихали, сидя в ворохах тряпья на кровати, потому что за годы войны, как и многие салдинцы, проели все, что можно было из одежды унести на рынок.

«Помню, было у нас покрывало голубенькое», — вспоминает Валентина Леонтьевна, – «Мама его любила, все жалела. Но все же унесла и получила взамен... стакан муки...»

Самым страшным в то тяжелое время было потерять хлебные карточки. Но, как говорится, где тонко, там и рвется: брат потерял карточки по дороге из лавки. Но пережили и это, чудом не умерли с голоду.

«Безотцовщина» – так называли всех салдинских детей, отцы которых не вернулись с фронта. Много тогда в Нижней Салде появилось голодных, худящих детей, особенно в 1942-1943 годах. Если маленьких попросту закрывали в домах, пока мать на работе, то подростки ходили по городу в поисках хоть какой-нибудь работы. Кто-то из них подсматривал, у кого можно попросить на рынке или просто стащить, встречалось и такое.

Заводской детский дом возник в 1943 году. Его первое здание находилось в одном из больших двухэтажных домов на улице Карла Маркса. Рядом была небольшая церквушка, которую впоследствии снесли. Обстановка и мебель в заводском детском доме была, конечно, не шикарная. Спали ребятишки на железных кроватях, где вместо панцирной сетки были доски проложены. Мальчишки часто шутили: раздвинут на кровати доски, и когда ложишься на нее, непременно на пол свалишься.

Первой заведующей детдомом была Валентина Родионовна Орлик, она жила при детском доме вместе с тремя своими детьми.

Автору проекта удалось через интернет разыскать ее детей в городе Лубны на Украине и в Калининградской области. Сама Валентина Ивановна, к сожалению, уже умерла. Одна из дочерей – Людмила Орлик – выпускница нашей школы (1964-1965 г.). От нее автор узнала, что, оказывается, и их бабушка Журавлева Евдокия Лаврентьевна работала в детском доме нянечкой. По словам дочерей, мама была человеком очень мягким с детьми, но строгим по отношению к себе и другим. Много сил и времени уходило у нее на то, чтобы раздобыть где-нибудь еды для детей, организовать их отдых, порадовать хоть чем-то.

Автора заинтересовал вопрос, какими игрушками играли дети военной поры. Оказалось, что детских игрушек в детском доме не было совсем, играли только в подвижные игры.

Бабушка автора материала - Боброва Людмила Александровна, детство которой совпало с войной, рассказала, что покупных игрушек у салдинских детей не было, а были игрушки-самоделки, которые мастерили из бумаги, соломы и разных тряпиц. Кукол, например, шили сами из холста, голову набивали опилками, или паклей, лицо раскрашивали химическими карандашами. Карандаш смачивали слюной, чтобы рисунок был ярче. Волосы тоже делали из пакли, они получались жёлтого цвета. Платье шилось из цветных лоскутков. Такими куклами играли девочки. А мальчики катали «коляски», которые изготавливали из деревянных брёвнышек. Любили играть свистульками, которые делали из тонких сучков ивы.

В то время по деревням ездили сборщики старой одежды и макулатуры. В обмен на сданные вещи «тряпичники» давали глиняные свистульки. Это была самая желанная игрушка для ребёнка того времени. Летом из глины лепили разные фигурки, сушили их на солнышке. Детской посуды не было, поэтому собирали разные черепки битой посуды, играли ими, как целой посудой. Берегли их, хранили, тщательно мыли.

Одной из воспитательниц заводского детского дома была Мурашова Александра Павловна (в замужестве Волкова). Это была энергичная, волевая, только что вернувшаяся с фронта, женщина. Она сама любила порядок и того же требовала от окружающих.

Нянечки были для детей вторыми мамами: тетя Катя Фомина, тетя Финя Солдатова. У каждой хватало терпения и добрых слов, чтобы утешить сирот, обогреть их своим вниманием и заботой. А дети были непростые, часто плакали ночами, иногда были даже агрессивными. Каждый из них по-разному попадал в детский дом, но всех их объединяло одно – они были детьми погибших на фронте работников металлургического завода.

Матери понимали, что детдом, организованный заводом, был спасением для их детей. И все же плакали, оставляя там своих детей. Да и потом, когда навещали, они всегда были печальными.

В 1943 году беспризорников набралось 60 человек, две группы: младшая и старшая.

«Для нас, голодных детей с улицы, детский дом был надежным пристанищем», — вспоминает Медведева Валентина Леонтьевна. «В то время хлебные нормы были – четвертинка ломтя хлеба, ложка каши и полстакана морковного чая. Эту еду воспитанники получали регулярно, три раза в день...»

Несмотря на трудности, которые испытывал завод в годы войны и в первые послевоенные годы, ребят детдома летом вывозили на дачи. Младших на Шамаринскую дачу, а детей из взрослой группы — на Моховой. Вот где было приволье, а главное, много ягод в окрестном лесу: и голубика, и морошка, и земляника...

Вообще, несмотря на все послевоенные тяготы, воспитатели старались устраивать для детей, как можно больше развлечений.

«Мы каждый день куда-нибудь отправлялись, непременно пешком, даже с дачи: в кино, прибрежный парк, просто в лес на экскурсию. И самым страшным наказанием за провинность было, когда тебя не брали вместе со всеми...» - вспоминает Сенцова Галина Александровна, и припомнила, как однажды долго плакала из-за того, что ее, провинившуюся в чем-то, не взяли на кинофильм «Зоя».

Жили ребята дружно и пользовались каждой возможностью повеселиться. Конечно, жили не всегда мирно, но обо всех своих детских скандалах не торопились рассказывать воспитателям – решали все сами. Бывало, и дрались, а бывало - наоборот утешали.

«Никогда не забуду, как Валя меня пыталась рассмешить, когда я только пришла в детский дом и плакала», — с улыбкой вспоминает Галина Александровна Сенцова. «Все ребята меня утешали, по плечу

гладили, а она показывала мне, как идет лисичка, как прыгает зайчик, как волк ходит...»

На 1-е мая и на Октябрьские праздники завод своему детскому дому выделял бортовую машину. Ребята ее украшали цветами и флажками. Потом стелили на дно матрацы, загружались в нее гуртом, ехали в машине за праздничной демонстрацией и распевали песни.

В 1946 году детский дом перевели в здание детского сада №6, что по улице Р.Люксембург. Там приняла детей заведующая садиком Мария Васильевна Дробинина. После окончания войны многие матери смогли забрать своих детей из детдома. Необходимость в большом здании отпала, оставшимся детдомовцам выделили в детском саду спальню и группу.

Позже, половину ребят перевели в барак на улицу П.Коммуны, а еще позднее – в бывший купеческий дом в Полушатах.

Когда воспитанников в заводском детском доме осталось совсем немного, детдом расформировали и перевели в поселок Лысьву, туда попала и Сенцова Галина Александровна, так как у нее в ту пору не было ни отца, ни матери. Ее брата, который тоже был воспитанником детдома, забрал к себе дядя. Галя, оказавшись так далеко от родного города и родного брата, два раза пыталась сбежать, но всякий раз ее возвращали. Зато, благодаря этому, ее не перевели еще дальше – в Новокузнецк, куда попали другие воспитанники. Возможно и свой архив детдом увез туда.

Бывшие воспитанницы детского дома и поныне дружат. Их судьба сложилась по-разному: у кого хуже, у кого лучше. Не все из них получили высшее образование, но ни один не стал плохим человеком.

«Детский дом научил нас в жизни «выплывать» во что бы то ни стало!» – говорит Галина Сенцова. «В 15 лет меня выпустили из детдома и отправили работать на завод, находившейся в поселке Полевском. Что я знала о жизни в таком возрасте: девочка с бантиками, юбка в складку...»

Не хватало Гале житейского опыта, чтобы понять, что нельзя на голодный желудок за раз съесть целую буханку хлеба. И невдомек было Гале, когда она всю свою заводскую зарплату 280 рублей 44 копейки не отдавала за общежитие, а потратила на сыр и конфеты

«Весна». Но однажды она четко поняла, чтобы чего-то добиться в этой жизни, нужно учиться.

Галя ушла с завода и пошла учиться на штукатура. Когда есть профессия в руках – все дороги открыты. И дорога привела ее в Свердловск. В уральской столице Галина Александровна стала работать в кинопрокате. Начинала со склада кинолент, а закончила заместителем редактора по кинопрокату. В это время она завершила обучение заочно в Ленинградском институте кинематографии, снялась в четырех фильмах. У нее уже был сын, но семейная жизнь не сложилась, и, когда сын вырос, Галина Александровна вернулась на родину. Ее душа всегда рвалась в Салду. Ведь увезли ее отсюда когда-то насильно, а здесь были могилы ее родителей и жили друзья. Вернувшись в Салду она стала работать инженером в научном институте машиностроения.

По-другому сложилась судьба еще одной героини проекта – Валентины. Еще в детстве у нее развились организаторские способности. Она всегда была лидером, заводилой всех игр – вспомним, как она успокаивала маленькую Галю. Поэтому и судьбу свою она связала с воспитанием детей, став воспитателем в детском саду. Много ребятишек воспитала. Вырастила и своих троих детей, закончила пединститут, а теперь помогает воспитывать и своих правнуков.

Живых воспитанников заводского детского дома осталось не так уж много. Но они до сих пор встречаются, ходят друг к другу в гости. С ними до конца были и их бывшие воспитатели – Слобцова Маргарита Викторовна и Мария Ивановна Медведева, для которых Галина Александровна и Валентина Ивановна на всю жизнь остались Галочкой и Валентинкой.

Несмотря на то, что война оборвала детство моих земляков, они продолжали оставаться детьми: всякий раз, когда дети вновь могли почувствовать себя детьми, они играли, смеялись, фантазировали. Их творчество выражало страх перед действительностью и одновременно несло в себе надежду на будущее.

**По материалам реферата Дудиной Алены, ученицы 11 класса,
Руководитель Семкова Н.В., учитель истории школы №10, г. Н.Салда**

«Не дворец и не храм, но до боли родной...»

*Не дворец и не храм, но до боли родной.
Что-то давит на грудь от знакомых ворот.
Дорогая сестра и мой брат дорогой.
Сколько лет, сколько зим пролетело вперёд.*

*У тебя, у меня нет роднее родни,
Но в счастливых глазах подмешалась боль.
Обними меня брат и сестра обними
Мы не виделись долго, очень долго с тобой.*

*Может чья-то вина, может чья-то беда
Вместе нас собрала много вёсен назад,
А виною — война, а бедою судьба.
И сегодня для нас прозвучит старый вальс.*

**Автор стихотворения - воспитанница салдинского детдома
Шура Винокурова (Медведева)**

В трудные годы войны с гитлеровской Германией, когда отцы уходили на фронт, погибали там, а матери работали, не разгибая спины, никому не было дела до маленьких ребятишек, беспризорно разгуливающих по городу Нижняя Салда и по деревням района.

Нашего отца, моего и сестры Вали, в марте 1940 года убили на войне с финнами. Вскоре после окончания войны с гитлеровской Германией, после продолжительной болезни, у нас умерла мама. Меня и сестру устроили в детский сад.

Всех детей вечером, после работы, матери забирали домой, а мы с Валец, одни на весь садик, оставались круглосуточно вдвоём, следили за нами сторожа. Сторож за нами, конечно, смотрел, но мы были представлены сами себе.

Детский садик был расположен на горке недалеко от пруда. На пруду женщины в проруби полоскали бельё. В воскресенье, после завтрака мы отпросились у сторожа погулять, взяли санки и пошли кататься с горки. Сели на санки вдвоём. Валя села спереди, а я за ней. Я заметил, что едем к проруби и специально упал с санок, а Валя не успела и

упала в прорубь. Женщины быстро вытащили её, и мы убежали в садик. Сторожу, мы ничего не сказали.

В обезлюдевшем городе Нижняя Салда в 1943 году государство организовало городской детский дом, куда попадали дети не только города Нижняя Салда и района, но и дети, эвакуированные из города Ленинграда.

Когда Вале исполнилось семь лет, и ей нужно было идти в школу, нас передали в детский дом, в разные группы потому, что она была на два года старше меня.

Располагался детский дом в двух зданиях. Одно было в деревянном двухэтажном доме на улице Энгельса, где сейчас выстроен кинотеатр «Искра» В этом доме жили дети старших групп, которые уже ходили в школу.

Второй дом был по этой же улице, тоже деревянный. Здесь жили дети младших групп. В этом доме был хороший огород, двор, где содержали корову и лошадь. Вот так набралось нас 80-90 беспризорников.

После окончания войны, видимо для удобства и в целях противопожарной безопасности, детей из двух деревянных домов перевели в двухэтажное кирпичное здание, где была школа, а школу перевели в двухэтажное здание, где жили дети старших групп. В новом доме был большой двор, там были хозяйственные постройки, в этих постройках сделали кухню и столовую, прачечную, стойку для 4-х лошадей, столярную мастерскую. Мальчики в столярной мастерской учились делать табуретки, этажерки, столы – в общем, всё, что нужно было для нашей жизни.

Для девочек была швейная мастерская, где они шили себе одежду и постельную принадлежность. Иногда я приходил в швейную мастерскую. Руководитель швейной мастерской Зоя Васильевна просила девочек, чтобы они уступили мне место за швейной машинкой. Я шил подушки для верховой езды на лошадях. В дальнейшем эта практика мне пригодилась. После выхода в самостоятельную жизнь шил себе, всё, что мне нужно и ремонтировал швейные машинки тем, кто обращался.

Таким образом, нас приучали к труду.

Жили воспитанники детского дома одной дружной семьей. У нас была своя жизнь, свой лексикон и свои обычаи.

Директором детского дома была Мохова Валентина Ивановна. После Моховой Валентиной Ивановной директором детского дома стала директор школы Никонова Таисия Павловна, завучем был Бромштейн Михаил Самойлович, воспитательницей была Бирман Елизавета Марковна, которые проработали до 1947 года.

Специалистов-воспитателей тогда не было, поэтому воспитателями работали случайные люди, не имеющие подхода к детям, работали они не по призванию, а по принуждению. Воспитывали нас рукоприкладством и наказаниями. Бывало, свяжут руки, двоим или троим мальчикам и закроют в туалете. В туалете было печное отопление, а отходы уходили через туалетное очко в выгребную яму. Зимой, когда в выгребной яме отходы замерзали, ребята развязывали друг другу руки, через туалетное очко прыгали в яму и убегали. Потом они прятались на сеновале и на чердаках, а мы их тайком кормили.

Зимой утром пришла воспитательница на подъём. Кто-то из ребят невзначай попал бумажной пулькой в неё, она набросилась на меня и стала избивать. Сначала я стоял, а потом стал сопротивляться.

После этого она сказала, что не будет кормить нас завтраком. На отказ кормить мы, 8-10 мальчиков в школу не пошли, а целый день ходили по городу. Голодными мы, конечно, небыли, в магазинах нас разбирали женщины в очередь, чтобы больше купить макаронных изделий, потому что в руки давали не больше установленной нормы, а если стоят двое значит, давали уже на двоих. После покупки продуктов нам давали деньги, на которые мы покупали себе еду. К вечеру мы пришли в детский дом. Встретила нас завуч Косолапова Анна Васильевна, которую мы уважали. Она извинилась перед нами. Нам отдали сразу завтрак, обед и ужин. Вообще мы не любили, когда к нам плохо относились и, если что не по нам, мы не шли в школу.

Директор, Таисия Павловна, не только не пресекала неправильное отношение воспитателей к воспитанникам детского дома, но и сама неуважительно относилась к мальчикам. Бывало, выстроит зимой для того чтобы заменить худые валенки. Если порваны валенки у мальчика, она снимала с девочки поношенные и отдавала ему приговаривая: «Тебе всё равно рвать», а девочке давала новые.

Кто-то написал обо всём таком воспитании в народный суд и директора Таисию Павловну судили, но не посадили потому, что она была в положении. Во время суда девочки бросали в зал суда записки

с просьбой, чтобы Таисию Павловну не посадили. С работы Таисью Павловну убрали, после её назначили Ковяр Марию Моисеевну.

В наш коллектив продолжали поступать новые дети. Нина и Шура Медведевы воспитывались у бабушки в деревне Медведево. Отца у сестёр убили на войне в 1941 году, а мама умерла во время войны. Молодая директор детского дома Никонова Таисья Павловна выходила замуж за друга из деревни Медведево. Узнав о жизни сестёр, она предложила бабушке сдать их в детский дом.

Интересно было смотреть на вновь поступивших членов детского дома. Поступили к нам Аникины Нина, Коля и Вася. Для того чтобы найти Нину и Колю, Вася забежал в здание и закричал: «Нинка наша, Колька наш, где вы?», чем вызвал у нас смех.

В детском доме было несколько пар – брат с сестрой, две сестры или два брата: Антроповы Юра и Виктор, Киселёвы Галя и Валерий, Аникины Нина, Василий и Коля, Артемьевы Аня и Нина, Артемьевы Валя и Юра, Мальвинские Катя и Ася, Медведевы Нина и Шура, Аверины Римма и Валя.

Между зданием детского дома и кинотеатром «Искра» (бывшей церковью) было свободное место, там был наш стадион. На стадионе мы играли в футбол, качались на качелях – вообще это была наша спортивная зона, которой пользовались не только мы, но и ребята из близлежащих домов.

Сейчас на месте бывшего стадиона растут большие деревья, и не подумаешь, что здесь когда-то играли в футбол. Стадион был не только местом нашего развлечения, но и местом где мы теряли членов нашего общества.

Однажды на качелях качались ребята – мальчики и девочки. В это время другие играли в ляпки — убегали друг от друга вокруг качелей. Когда пробежала Катя Мальвинская возле качелей – её стукнуло по голове доской качели, и она скончалась.

Свободное время проводили, кому как вздумается. Играли в футбол, в городки. Любили ходить к железной дороге – там вдоль железной дороги защитная полоса, т.е. деревья, кусты и много сухого валежника. Мы брали картошку и шли туда печь её. Однажды там нашли маленького сорочонка. Принесли его домой. Поначалу он всего боялся. Девочки беспокоились, что он умрёт с голоду, но сорочонок привык и брал всё, что ему давали. Постепенно сорочонок

Здание детдома в г. Нижняя Салда

Педагог Валентина Константиновна Боронина,
много лет переписывалась с ленинградцами - воспитанниками
салдинского детдома

Воспитательница детдома Мурашева А.П. с детьми, 1943 г.

Спортивное занятие в детдоме

Воспитанник салдинского детдома Витя Першин

Першин Виктор Семенович с супругой

Ученик ремесленного училища №38 Артемьев Юра.

Слева на право: воспитанники детдома Валя Артемьева, Зина Медведева, первый ряд Зина Трефилова, Юра Артемьев, муж Шуры Медведевой, Галя Волкова

Воспитанники детдома Медведева В.Л. и Сенцова Г.А.

Бывшие выпускники детдома

Бывшие воспитанники детского дома: у стены справа на лево: Зина Трефилова, Шура Медведева, Юра Артемьев, Нина Артемьева, в первом ряду - Валя Артемьева, в центре музыкальный работник детдома, Почетный гражданин города Нижняя Салда Галина Васильевна Клыкова.

Бывшие воспитанники детского дома Артемьева Валя, Аверина Валя, Аверина Римма и хорошая воспитатель Шилкова Алефтина Андреевна

На 50-летнем юбилее бывшие воспитанники: слева направо у стены, бывшая пионервожатая Гера, Валя Артемьева, в средне ряду в тёмном платье Галя Волкова

На этой фотографии больше бывших воспитанников: Зина Трефилова, Аверины Римма и Валя, Шура Медведева и Юра Артемьев, остальные шефы и гости

вырос во взрослую сороку и стал жить у нас в спальнной комнате. Летом мы спали с открытыми окнами. В семь часов утра сорока вылетала из спальнной комнаты и летала в саду, по стадиону, по огороду в общемезде, где ей хотелось. Если хочется её позвать — покричишь: «Яшка, Яшка» — так мы называли сороку, Яшка прилетит и сядет на плечо. Вечером, в девять часов, Яшка прилетала в спальную. Когда играли в футбол, Яшка тоже летал за нами. Однажды во время игры в футбол Яшка ходил по стадиону, а Виктор Антропов пинал футбол. Ему все кричали: «Не пинай, Яшку убьёшь!», но он не послушал и, как знали, попал в Яшку и прибил его. Слёз было много. Похоронили Яшку.

Отопление в детском доме было печное. Обычно истопник топил печи в ночное время, чтобы к утру к подъёму было тепло. Воспитанник младшей группы, Шурик Максимов ночью встал с постели и решил подбросить дров в печку. Когда вложил поленья в печку, на нём загорелась рубашка. Шурик пошёл следом за истопницей и просил, чтобы она помогла, но она подумала, что он шутит, а когда повернулась, увидела, что он уже обгорел. Истопница позвонила в скорую помощь и Шурика увезли в больницу, где он скончался.

Режим в детском доме был свободный, т.е. мы должны были быть на месте во время занятий, принятия пищи, вовремя каких-либо мероприятий. В свободное время нас обычно никто не искал, поэтому мы ходили, кому куда вздумается.

Однажды летом группа ребят без воспитателя ушла в город. В городе мы разошлись по несколько человек. Часть ребят, с которыми был Сергей Сорокин, зашли на пруд, где строилась вышка для прыжков в воду. На воде были только не закреплённые брёвна. Серёжа пошёл по бревну, поскользнулся, а так как плавать он не умел — утонул. Воспитателя, в группе, которой он был, взяли под суд. Я проходил по этому делу как свидетель. Следствие шло очень долго. Я уже было стал забывать о случившемся, чем-нибудь занимался увлекательным, как вдруг меня вызывали на суд свидетелем...

В нижней Салде было два детских дома — городской и заводской, который находился на улице К.Маркса. Заводской детский дом был организован по решению руководства завода для того, чтобы дети работников, у которых матери-отцы были на войне, находились под

присмотром и накормлены. Иногда старшие ребята заводского детского дома приходили к нам, чтобы подраться.

После окончания войны необходимость заводского детского дома отпала, в Нижней Салде остался один городской детский дом. Жили мы одной дружной семьёй. Редко когда кто-нибудь дрался между собой.

Около дома был большой огород, где мы выращивали всё, что нам нужно было — морковь, свёклу, горох, бобы и т.д. За огородом мы всё лето ухаживали — поливали, пололи и т.д. За городом у нас был большой участок земли, на которой мы выращивали картофель и овёс (для лошадей).

Конюхом у нас работал дядя Гриша Кашапов. Жил дядя Гриша со своей семьёй в квартире, которую сделали в дворовых постройках. Он развёл кур, которые неслись на сеновале. Ребята лазили по чердакам, сеновалу и когда находили яички, прятали их в карман, чтобы дядя Гриша не видел их. Он не ругался за то, что мы воровали у него яйца, а просто ждал, когда воришка будет спускаться с сеновала по лестнице, стучал палкой по карману и яйца разбивались. Так он отучал воровать у него яйца. После случая с Максимовым Шуриком Кашаповы уволились.

Конюхом стала работать тётя Оля. Она жила одна, часто выпивала, и меняла мужчин, как перчатки. Родила дочь Галю. Когда Гале исполнилось семь лет, тётя Оля отдала Галю в детский дом. Здесь она будет обута, одета и на виду у мамы, но не подумала о том, что воспитала в дочери плохие манеры.

Я со второго класса стал заниматься с лошадьми, а их у нас было три — Амур, Сивко и Майка. У Майки был жеребёнок, но он так и не вырос в настоящую лошадь — ростом был, как пони.

Помню, когда я первый раз сел на лошадь. Старшие ребята пошли в поле, где паслись лошади, и я с ними. Посадили меня верхом на Амура, хлестнули его и он помчался галопом. Я не упал. Когда Амур перешёл в ходьбу, мне не понравилось, и я решил хлестнуть его, но задержаться ногами за его тело не успел и поэтому упал с него на дорогу. Амур как вкопанный встал передо мною и ждал, когда я встану. Вообще, лошади у нас были умные. Бывало, на покосе разводил курево, чтобы оводы не кусали лошадей, а они за тобой ходят, как собачки.

Когда кладовщице Галине Степановне нужно было в магазин за продуктами, она говорила мне, чтобы я запрягал лошадь и ехал с ней. Однажды, я запряг Сивку, и пока Галина Степановна была занята, я решил покормить Сивку сырой картошкой. Дал ему корнеплод, постоял немножко и решил дать второй, но он не съел ещё первую, видимо ему это не понравилось и укусил меня. Верхние зубы его пришились мне в середину носа, а нижние за подбородок. Наверное, можно легко догадаться, сколько искр у меня вылетело из глаз. Я резко отшатнулся, чем спас своё состояние лица.

Если посмотреть жизнь детского дома со стороны времени года, то она проходила следующим образом. Весной, когда у деревьев появляется сок, мы ехали в лес, обычно на покос, там спиливали липу метра по два-три, снимали с неё лубки-кору, связывали в плотики и погружали на дно реки, где эти лубки лежали около месяца. Потом шли, доставали этот плотик и драли лыко (мочало). Мочало шло на мочалки в баню, ими мыли пол и вили верёвки. Конечно, не все ездили, вернее, ходили, драть мочало, кто-то садил картошку и овёс. После мочала подходил черёд покоса. Какая это была весёлая пора. Покос находился в семнадцати километрах от города. Никакого транспорта, кроме лошадиной упряжки, не было. На лошади везли инвентарь – косы, грабли, продукты, а мы шли пешком.

Я обычно на покос ездил верхом на лошади, потому что всегда нужна запасная лошадь. Однажды Люда Фёдорова попросилась, чтобы я прокатил её. Я посадил Люду и мы, помчались. Люда чуть не столкнула меня с лошади, она держалась за меня. Прокатились без ЧП. На покос ходили человек по пятнадцать-двадцать, унывать было некогда. Дорогой шутили, пели песни, играли так, что дорога проходила незаметно.

Первый раз меня взяли на покос, когда я учился во втором классе. Первая моя работа на покосе – караулил стан, это то место, где была срублена избушка, в которой мы жили. Траву косили конной косилкой, а где косилкой не развернуться - косили вручную косами. Когда я учился косить – порезал косой себе ногу. В основном я занимался лошадьми, возил волокуши, разводил для лошадей курево. Свободное время мы и на покосе не теряли. С собой брали бочку, а то и две. Вечером после косьбы или пока не поспеет гребь мы шли в лес за грибами, если каждый по одному грибу положит в бочку

— это уже пятнадцать-двадцать штук, а собирали помногу. Домой привозили по полному бочонку. Дома нам стряпали пироги с грибами или ещё что-нибудь делали.

Однажды на покос я поехал на велосипеде. Все как обычно пешком, а я на велосипеде, который нам подарили шефы. Когда пришли на покос, а там уже косят другие. Меня сразу послали обратно в детский дом, чтобы сообщить директору. Первый раз я проехал тридцать четыре километра, домой приехал очень уставший.

После покоса подходила пора уборки картофеля и овса. Картошку копали вручную, грузили на телегу и везли во двор детского дома. Во дворе картошку сушили, перебирали и закладывали в подполье, который находился в изоляторе. В укромном месте от глаз сотрудников мы рыли, каждый себе, ямки в земле, в которые прятали картошку, а потом пекли её на трубе кухни. Брли проволоку, с одной стороны, делали петлю, за которую первый клубень задерживался, а потом насаживали следующие, делали «бусы». Затем крепили палку, за счет которой эта «буса» висела на трубе. Печка на кухне топилась целый день, потому, что нам нужно было варить завтрак, обед и ужин. Повара ругались, что тяга в печке плохая, это мы по несколько «бус» вешали на трубу картошку.

Овёс косили конной косилкой и связывали в снопы, снопы грузили на телегу и везли во двор детского дома. Обычно в сентябре, когда возили овёс с поля во двор, была жара. Лежишь навозу, как на сковородке. Во дворе устанавливали молотилку и молотили овёс. К молотилке нас во время молотбы не допускали. Мы подавали снопы и погоняли лошадей, которые крутили молотилку.

Когда, настраивали молотилку, Вова Патраков сунул свои пальцы между шестерёнок и вручную крутнул шестерни, пальцы его попали между зубьев шестерён — шуму было много. Вообще Вова был какой-то несчастливый. Однажды он не мог открыть двери в комнату. Для того чтобы помочь ему кто-то в комнате бросил молоток, надеясь, что молоток стукнет по двери и они, откроются, но Вова открыл двери и молоток прилетел ему в голову.

Водопровода у нас не было, воду возили на лошади из колодца. За водой ездили те, у кого было желание или кого посылали. Ставили на телегу бочку литров 100-150 и из колодца ведром доставали воду. Однажды зимой за водой отправились Виктор Медведев и Римма

Аверина. После того, как была наполнена бочка, Римма наполнила вёдра водой и повесила их на оглобли перед головой лошади. Когда лошадь тронулась, вёдра забрякали, она испугалась, шарахнулась в сторону, бочка упала и разбилась. За порчу имущества, за разбитую бочку нужно было отвечать. Виновата была Римма, но, несмотря на то, что Римма и Виктор всё время конфликтовали — Виктор взял вину на себя. Вообще-то вину такой девочки, как Римма можно было взять на себя. Римма была красивой девочкой, училась отлично и танцевала хорошо. За отличную учёбу и хорошее поведение Римма ездила в пионерский лагерь «Артек». За время существования детского дома она одна побывала в этом лагере, остальные воспитанники каждый год ездили в пионерский лагерь «Красный бор».

В лагере было десять отрядов. Воспитанники детского дома были все в одном отряде. Жили в деревянных корпусах. Когда было холодно, топили печь. Однажды сотрудники лагеря попросили нас принести дров, они жили в соседней комнате за стеной из досок, печка была одна на две комнаты и топилась с их стороны. Печку не истопили, а вечером, когда было уже темно, они нам крикнули: «Идите, посмотрите, что вы нам принесли!» Мы пришли и увидели, что дрова все светятся, мы разобрали их и унесли себе. Оказывается, это были гнилые осиновые пни, которые в темноте светятся.

Каждый заезд в лагере украшали корпуса ко дню открытия и закрытия. Наши корпуса всё время занимали первое место по украшению. В лагере, так же, как и в школе, мы отличались от родительских детей. Отличались не только тем, что мы были одинаково одеты, но и простотой. Например, у нас не было ремней для брюк. Громко сказано, для брюк, мы просто называли их штанами.

Вообще, мы жили дружно и во всём старались. Прогуливаясь по пляжу, мы забирали ремни от брюк у тех ребят, которые в это время купались. Если кто-то жаловался на нас, ему попадало. Один парень пожаловался снова, после того, как ему попало. После этого ему снова попадало. На следующий год этот товарищ другим, любителям жаловаться говорил: «Я скажу детдомовским, они тебя побьют!»

Мы часто выступали с концертами во время выборов, в школах, на железнодорожном вокзале, в клубе. Был хор мальчишек. Моя сестра Валя с первого класса занималась акробатикой, она выступала во

Дворце культуры. В дальнейшем Валю приглашали в Московский цирк, но она не пошла. Наши выступления нравились жителям города. Бывало на выборах, выступим на одном избирательном участке, а потом идём на другой участок. Некоторые жители ходили вместе с нами, чтобы снова посмотреть наш концерт. Даже в школе, на открытом уроке или на собрании класса, классная руководитель просила: «Ребята из детского дома, спойте что-нибудь...»

Если сравнивать городских школьников и воспитанников детского дома, отличие, конечно, большое. У родителей школьников была отдельная одежда, школьной формы тогда не было. Мы в школу ходили в повседневной одежде. В школе столовой не было, был буфет.

Родительские школьники брали в школу, что-нибудь для обеда или деньги для того чтобы купить что-нибудь в буфете и во время большой перемены пообедать. Нам никто ничего на обед не давал, а уроков было по четыре-шесть.

От жизни города мы не отставали, ходили в дом пионеров в различные кружки – авиамодельный, судостроительный, строили самолёты и корабли из бамбука и кальки, а потом принимали участие в соревнованиях.

В 1953 году пришёл работать воспитателем молодой, всесторонне развитый специалист Николай Васильевич. Из-за его молодости мы его звали просто Коля, он ещё в армию не призывался. Он хорошо играл на любом струнном инструменте, занимался фотографией, в общем, специалист от скуки на все руки.

Мне понравилось, как он играл на мандолине. Я решил тоже научиться и у меня получилось. Жил Коля на квартире в частном доме недалеко от детского дома. Часто к Коле ходила воспитанница Нина К., под предлогом изготовления фотографий. Когда Нина приходила от Коли, девочки смеялись над ней. Они соединяли руки ладошками и, задевая указательными пальцами друг друга, говорили: «Пики, пики, пики...»

Когда пришла пора Коле служить в армии, его вызвали в военкомат, но комиссия по каким-то причинам забраковала его. Работать в детском доме директор Мария Моисеевна его больше не пустила.

В 1954 году городской дом пионеров участвовал в областном слёте туристов. От детского дома в поход направили меня и Нину

Шешукову. Пешком мы прошли из Нижней Салды до города Алапаевска, где к нам присоединилась ещё одна группа из Нижней Салды, в которой была моя сестра Валя. В Алапаевске проходил областной слёт туристов. Была эстафета, в которой нужно было бегать по азимуту, разводить костёр. Конечный результат эстафеты – кто вперёд вскипятит воду в котелке на костре. Команда Нижней Салды заняла первое место.

Заняв первое место на областных соревнованиях, мы должны были ехать на союзный слёт в Свердловск. На такие наши успехи никто не рассчитывал, денег нам было выделено только до Алапаевска, поэтому мы решили в Свердловск не ехать, а идти пешком.

В Свердловске мы заняли последнее место потому, что наш товарищ, который участвовал в заплыве по озеру Шарташ, должен был брать котелок с водой и бежать к месту костра, а он встал на берегу и стоял, пока все не убежали.

На слёте мы сдавали экзамены и нам присвоили звание «Турист СССР». Чтобы не потерять значок и удостоверение я отдал его на сохранение директору, но так больше и не увидел. Продолжительность нашего похода была 16 дней, за это время мы прошли 240 километров. Шли, в основном, ночью потому, что днём было жарко. Когда идёшь ночью, видишь, как в траве светятся светлячки. Днём мы отдыхали, ловили рыбу, играли.

Из похода домой вернулись утром, подъёма еще не было. Когда я зашёл в спальную, все соскочили и начали спрашивать, где был, что видел. Я сказал, что к месту соревнований в Алапаевске переходили вброд через реку Нейва. Меня сразу переспросили: что, я был в Ленинграде? Потому, они слышали, что в Ленинграде есть река Нева, а про Нейву они не слышали. Я им ответил, что в Ленинграде река Нева, а в Алапаевске река Нейва, тогда они поняли.

На всю жизнь запомнился первый выпуск из детского дома. Конечно, праздничного застолья не было, громких речей напутствия тоже не было. Просто всем коллективом пошли провожать на станцию «Моховое» Сашу Силина, Виктора Медведева и Алёшу Мазеина. Их устроили в ремесленное училище города Нижний Тагил. На время каникул они приехали к нам, привезли нам ножики, сделанных из полотна по металлу. Ребята, можно сказать, приехали в свой дом. По старой привычке, мы спрятали их на чердаке и носили им еду, а когда

новая воспитательница увидела, как мы украдкой уносим из столовой еду, поинтересовалась, куда мы носим. Мы сознались. Она ответила, что это наши гости, не нужно им прятаться, с тех пор кто приезжал в свой дом, были нашими гостями.

День рождения воспитанников не отмечали, но однажды решили отметить. Именинников за февраль месяц решили поздравить. Приготовили праздничный стол. Все именинники пригласили сотрудников детского дома, которые делали подарки тем, кто их пригласил. Я поздно узнал об этом, все сотрудники уже были приглашены, мне пришлось пригласить конюха тётю Олю и она подарила мне книгу «Айболит».

Любили мы, когда к нам приходили в гости шефы из завода. Обычно это было к праздникам. Шефы нам дарили подарки, и, почему-то, обычно это были коньки. В комплект коньков входили шурупы. Мы сразу эти коньки крепили шурупами к ботинкам, которые у нас были. Каток находился у Дворца культуры. Детский дом был на горке, а каток под горкой. Под горку ехать на коньках было удобно. Покатавшись часа полтора-два домой шли чуть не ползком, ноги уставали, а валенки с собой не брали. В общем, весёлая была пора, жаль, что она быстро прошла.

Время летело быстро и я не заметил, как пришла пора и мне расстаться с детским домом. Выпускался я один. Сопровождал меня в ремесленное училище №38 города Алапаевска завхоз дядя Саша.

Выходили из детского дома вечером, когда все уже легли спать, но, несмотря на это, все ребята, встали и проводили меня до нашего стадиона, дальше с завхозом мы ушли до станции Нижняя Салда пешком. На станции, до прихода поезда, дядя Саша достал бутылку красного вина и печенье. Предложил мне печенья. На душе у меня, как говорится, кошки скреблись, очень плохое было настроение, поэтому я попросил у него, немного вина.

Когда приехали в Алапаевск, пришли в ремесленное училище к директору, он сказал, что остались места только в группах, где учили на столяра и токаря. В детском доме столярному делу нас учили, поэтому я решил учиться на токаря.

Почитав мою характеристику, в которой было написано, что «Юра дерётся с воспитателем», директор сказал, что направит меня в тринадцатую группу к мастеру Мальшакову, «пусть с ним дерётся».

В училище с первого сентября нас направили в колхоз на два месяца на уборку картофеля. Скучно было. Если бы нас из детского дома направили человека два или три — было бы на душе легче, но я был один.

Поле было большое, а трактор был старый, таких старые люди видели, наверно, только в кино, и он часто ломался. Мастер Мальшаков следил за нами один. Когда он подошёл на мой участок, то удивился и сказал: «Вот это будет токарь!» Все собирали картошку, а ботва от неё валялась, где попало. А я из ботвы делал границы с обеих сторон выделенного мне участка, то есть участок у меня был чистый.

После колхоза началась учёба в училище. Кое-как я дождался каникул и с радостью поехал в гости в детский дом. В Нижнюю Салду я приехал рано, когда школьники ещё спали. Я сел на крылечко кинотеатра «Искра» (убывшей церкви) и ждал когда школьники пойдут в школу. Ко мне подбежала детдомовская собака – пес Верный, с ней я, в ожидании, и коротал время. Уже прошли городские школьники в школу, а наших все нет. Я пошёл в здание детского дома. У ворот встретил повара Шульгину Таисию Алексеевну. Спросил у неё, почему наши не идут в школу. Она заплакала и сказала, что всех детей увезли по разным детским домам. Больше я своих братьев и сестёр не видел, за исключением нескольких детдомовских девочек.

Ремесленное училище я окончил с похвальной грамотой и высоким 5 разрядом.

Выпустили меня из детского дома в конце августа 1955 года. В кармане ни копейки и в летней одежде. Если сказать, что устроили меня в ремесленное училище, где одевали и кормили, это ещё два года моей жизни.

После выпуска из ремесленного училища в августе 1957 года всё повторилось - в летней одежде и без копейки денег. До призыва в армию я не мог зимой сходить куда-нибудь потому, что нечего было одеть. На работу зимой ходил в бушлате, который остался у меня из училища...»

Артемьев Ю.Е., «Нижнесалдинский детский дом» (1943-1955 г.), в статье использованы воспоминания Артемьевой Вали, Авериной Риммы, Артемьевой Нади, Патимовой Вали.

Спасибо за подаренную нам жизнь!

Из воспоминаний воспитанника салдинского детдома Виктора Семеновича Першина.

«Когда началась война мне было 8 лет. Я рос в семье рабочего, отец работал на Ленинградском карбюраторном заводе, а мама была домохозяйкой. У меня было счастливое детство.

Но вот началась война, 1941 год и детство мое кончилось.

В сентябре 1941 года наш город начали бомбить немецкие самолеты, началась блокада Ленинграда. У нас в городе была выставка трофеев немецкой военной техники и стрелкового вооружения, я был на этой выставке. Мы были горды за нашу армию.

С сентября 1941 года по февраль 1944 года город Ленинград находился в блокаде. В городе был голод, центральное отопление и канализация не работало, водопровод не подавал воду. Отапливались с помощью буржеек-маленьких металлических печей, электричество отключили.

Первый вражеский снаряд разорвался в городе 4 сентября 1941 года.

В сентябре на город было сброшено 6327 зажигательных и 148 фугасных бомб, принесших помимо смертей 138 пожаров.

Много людей умерло от голода и холода. Самой страшной была зима 1941 года. За время блокады в городе умерло сотни тысяч человек. На кладбищах города 662 братских могил. Их общая протяженность составит 20 км. 16747 мирных ленинградцев погибли от артабстрелов и бомбежек. На каждый квадратный километр в среднем приходилось 16 фугасных бомб, свыше 320 зажигательных бомб и 480 артиллерийских снарядов.

При налетах и обстрелах мы прятались в специально оборудованных бомбоубежищах и это многим помогло спастись. В городе продовольствие выдавалось по продовольственным карточкам С 13 ноября 1941 года рабочие получали 300 грамм, остальным 150 грамм хлеба в сутки, а уже через неделю рабочим – 200 грамм, а остальным – 125 грамм хлеба. 25 декабря 1941 норму хлеба повысили: рабочим и ИТР-350, остальным – 200 грамм в сутки.

У нас в городе два особых праздника: День прорыва блокады Ленинграда 18 февраля 1943 года и День полного снятия блокады Ленинграда 27 января 1944 года.

Весной 1942 года мою маму Першину Анастасию Ивановну от Штамповочно-механического завода №2, где она стала работать с

началом войны, направили на работу в подсобное хозяйство в поселок Скотное Ленинградской области. Я вместе с мамой уехал за город. До этого пробовал ходить в школу, но сил не хватало пройти больше 100 метров. В Скотном нас детей собрали в детский сад, где стали откармливать от голода.

За лето 1942 года немецкая авиация группами по 80-150 самолетов сделала на Ленинград по 120 дневных и 15 ночных налетов.

По приказу Советского правительства продолжалась эвакуация населения и особенно детей.

В конце августа 1942 года наш детский сад без родителей эвакуировали в тыл. На Финляндском вокзале мы попрощались с родителями и нас повезли...

Сначала нас на поезде привезли на берег Ладожского озера, потом на буксире переправили на другой берег. И здесь фашисты попытались потопить наше суденышко. Было сброшено несколько бомб, но мимо. На берегу нас встречало местное население с горячей картошкой и солеными огурцами. Это был для нас деликатес.

И уже отсюда в товарных вагонах нас повезли в глубь страны на Урал. В районе города Тихвина фашисты обстреляли наш эшелон. Но снова обошлось.

В конце августа 1942 года наш вагон прибыл в город Нижняя Салда. Было нас 32 человека, с нами были воспитатели и нянечки. Директором детского дома была Мария Викентьевна Вось.

Исполком города выделил нам деревянное двухэтажное здание школы около кинотеатра «Искра» (здания бывшей церкви).

Хорошо помню, когда мы устроились в комнатах, нас привели в столовую, а на столах в тарелках лежал хлеб-бери сколько хочешь (!!!), а не по выдаче.

Благодаря стараниям местной власти мы не нуждались в продовольствии, хотя в городе с продуктами было неважно, война идет.

Вот так началась моя новая жизнь в далекой от моей родины Нижней Салде...

В сентябре я пошел в первый класс школы №1. Таких как я было девять человек: Грищенко Юра, Жуков Толя, Егорова Лиза, Мацкевич Галя, брат и сестра Кудрявцевы, девочки Борщ и Васильева, а остальные пошли в старшие классы. Первой учительницей у нас была Валентина Константиновна Гашкова, потом, Боронина.

За успехи в учебе за второй класс я получил Похвальную грамоту.

Кроме учебы, в детском доме мы занимались художественной самодеятельностью. К нам приходила педагог Мария Михайловна и в свободное от учебы время знакомила нас с теорией музыки, разучивали с нами песни «Есть на севере хороший город», «Женчичек-бренчичек» и много других. Помню, много времени мы уделяли разучиванию нового Гимна Советского Союза. Мария Михайловна ставила с нами спектакли, и мы со своими номерами выступали в городском театре!

У нас была проходящая медицинская сестра, которая много сил потратила, чтобы мы были здоровы. Не помню, как ее звали, но лично я получил от нее много полезных советов и лечения.

Все мы привлекались к ведению хозяйства детского дома, помогали дворнику колоть дрова, кормили лошадь, летом сажали картошку, пололи огород, собирали картошку, работали на молотилке, собирали колоски. Летом нас привлекали для сбора грибов и ягод и кедровых орех.

Наши воспитатели делали все возможное чтобы из нас получилось достойное поколение советских людей. Нас учили плести корзины, гончарному делу, горному делу, столярному делу и многому другому. К этому привлекались местные специалисты.

Были у нас и черные дни, когда мы устраивали драки с местными ребятами. Бывали случаи, когда нас вылавливали в местных огородах. После приезда у нас были вши, потом, чесотка, в комнатах - клопы. Наши воспитатели совместно с местными специалистами и врачами справились, победили все болезни и недуги. Спасибо всем нижнесалдинцам боровавшимся за наше здоровье и благополучие!

Сейчас многое забылось и трудно одному вспоминать частные моменты той детдомовской жизни в городе Нижняя Салда.

Май 1945 года – ПОБЕДА! Нас вернули в Ленинград. Были у нас и потери-вернулось в родной город на три человека меньше: один умер от голода, другой по болезни, а третьего директор Ленинградского детского дома не взяла, так как его родители погибли во время войны.

Наши проводы проходили в школе №1. Сто и больше раз хочется сказать от имени всех тридцати спасенных детей Ленинграда СПАСИБО ЗА ПОДАРЕННУЮ НАМ ЖИЗНЬ!»

Один из спасенного поколения, ленинградец Першин Виктор Семенович, апрель 2010 г.

